

ЛАРИНА ФЕДОТОВА

ПОБЕДА НАША

Пока мы живы, спрашивайте нас,
Каким он был, тот самый страшный час,
Когда на всю огромную страну
Сказали в репродуктор про войну.

И объявила нам сурово власть,
Что чёрная лавина поднялась.
Бомбят их самолёты города,
Грохочут танки, движется орда.

Когда прошёл первоначальный шок,
Подумать каждый об отпоре мог:
Чем Армии немедленно помочь?
В строй — патриоты, паникёры — прочь.

И всколыхнулся весь большой Союз,
Взвалил на плечи непомерный груз,
И выдержал четыре года он
Огонь и натиск — смерть со всех сторон.

И всё же наша сила верх взяла
И наперёд врагам урок дала,
Чтоб на земле знал каждый человек:
Победа наша присно и навек.

Пока мы живы, спрашивайте нас...

СОТАЯ ДИВИЗИЯ

Генералу И. Н. Руссиянову

Рубеж удерживая прочно,
Под Минском яростно дралась
Дивизия, что в сводках точно
В то время сотою звалась.

Была она простой армейской,
А стала первой Гвардейской,
За героический отпор
Воителя с арийской спесью,
За встречу смертную, в упор,
Бутылками с горючей смесью.

...Какие люди там легли!
Их, как смогли, похоронили.
Те дни растаяли вдали,
Но мы той жертвы не забыли.

И срок для почестей настал.
Когда разрыли погребенья,
Приехал старый генерал
На ритуал захороненья.

Он многих знал ещё живых,
Таких надёжных, молодых.
Он скажет всё о них, как есть, —
Про их отвагу, долг и честь.
Как натиск бешеный сдержали,
Как прикурить фашистам дали!

В глазах его метались грозы.
Он начал медленно ходить,
Он стал, его душили слёзы,
А надо что-то говорить.
К себе он был предельно строг
И ничего сказать не мог.

А звуки гимна тихо плыли,
Прощальный близился финал,
И залпы прямо в небо были,
И плакал старый генерал.

МОЛЧИТЕ, СЛУШАЙТЕ...

Здесь не встречают хлебом-солью
И в хаты дети не бегут.
К тебе, Хатынь, приходят с болью,
Всё едут люди, всё идут.

Священно право поклоненья!
О сколько цифр и скорбных слов
Собрало горе, потрясенье
Под перезвон колоколов!

За звуком звук — мороз по коже...
Не равнодушен здесь никто.
И вспомнив Бога, шепчешь: “Боже,
За что же это им, за что?”

Деревня заживо сгорела,
Сто сорок девять тех смертей.
Я всё молчала, всё терпела,
Но не могу я про детей...

Вот бегал Юзик, Миша, Вова,
И вдруг — карательный отряд.
Расправа быстрая готова —
И дети в пламени горят.

Молчите, слушайте: их души
Ушли в окрестные леса.
Не птицы там кричат всё глуше —
Детей хатынских голоса.

Не ветер по полю гуляет —
То их последний слабый стон
Замрёт и снова возникает
Со всех сторон, со всех сторон.

В колодцах чистых стыннут слёзы,
Из глаз струится звёздный свет.
И машут скорбные берёзы
Руками детскими вослед.

г. Псков

ВЛАДИМИР БАЛАЧАН

ОТЦОВСКИЕ МЕДАЛИ

Две медали “За отвагу”,
За Москву, Берлин, за Прагу,
За Белград и Сталинград,
Ну, и ряд других наград.

Мать в кути месила тесто,
Пела, стряпала блины.
Говорила:
— Наш отец-то
Сам живой пришёл с войны!

Он стоял, переживая
Дым фронтов и пыль дорог,
Головою задевая
Белоснежный потолок.

На груди медали — ровно
В два ряда. И с двух рядов —
Перезвон медалей, словно
Перекличка городов.

Солнце раннее вставало.
Ржали кони.
Люди шли...

На груди отца сияла
География Земли.

МУ-2

МУ-2 — “военная машина” —
Одна телега, два быка.
Надёжный стáртер — хворостина,
Что больно хлещет по бокам.

И лет двенадцати возница,
Нелёгкий труд в своей судьбе
Познав,
— Ну, сколько мне возиться?! —

Кричит охрипло:
— Цоб-цобе!

Страда. И взрослые, и дети
На фронт ударный трудовой —
В поля,
Как и быки вот эти,
Мобилизованы войной.

И фронт, и тыл — в одной заботе:
Как там,
В боях за высоту,
Здесь каждый колос на учёте,
Работник каждый на счету.

И бригадиром не случайно
Сегодня сказано: “Война!
Возить пшеницу от комбайна
Тебе доверила страна”.

Пылит “военная машина”
Во все четыре колеса
И восемь ног...
И ты — мужчина,
Хоть и дитё ещё с лица.

А тут жара, как будто в бане,
И от мякины — в горле ком...
И дядя Ваня на комбайне
Уже грозит кулаком...

ЦВЕТЫ БАРАБЫ

Кукушкины слёзки, анютины глазки —
Как диво, как правды святые огни.
— Откуда? — спрошу их. — Наверно, из сказки?
— Из лесу, вестимо, — ответят они.

В лесу, где растут молодые берёзки
Среди нецелованных старых берёз,
Обронит кукушка горячие слёзки,
Наплачет Анюта полкороба слёз.

Играли гармошки. Скрипели повозки.
Ложился на сердце тяжёлый туман...
Анютины глазки. Кукушкины слёзки...
Лишь к Марье вернётся безногий Иван.

Совсем обезлюдела та деревушка:
Кто в землю ушёл, кто уехал — война...
В берёзовой роще рыдает кукушка,
Кукует Анюта в избушке одна.

г. Омск

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

СТАЛИНГРАД

В ту судьбоносную жесточайшую зиму
на имя твоё молилась атеистическая Русь,
и умное человечество молилось на всех языках,
поддерживая и ободряя тебя.
Ты высился тогда неприступной скалой.
Там, в самом центре воюющей планеты,
цепенел разум от половодья крови,
облекаемой огнём смерти в клубы
тошнотворного дыма над жизнью;
сонмища хрупких человеческих вселенных
в мгновенья превращались в клочья
и безвременно осиротевшие души
кружили над расхристанным полем брани;
потоки слёз безутешных невест и вдов,
падали горестным снегом на мёртвую землю,
взывая к справедливости чёрное небо.
За спинами твоих храбрых защитников
кипела от праведной ненависти Волга,
выступив священным заградотрядом.
Ты воевал и на Курской дуге, и на Днепре,
освобождая поработённые страны,
взвил над рейхстагом Знамя Победы!
Это потом сволочи разных мастей,
пылая мстью к твоему великому имени,
спрятали тебя от нас, но не вытравили из сердец.
Поэтому ждут, не уставая, на Мамаевом кургане
погибшие воины и их верный маршал Чуйков,
ждут прославленные полководцы в Кремлёвской стене,
ждёт Сталин за Мавзолеем, ждёт народ,
не однажды после тебя и обманутый, и преданный,
когда, словно солнце на гранях русского штыка,
вновь засверкает имя твоё, Сталинград,
имя, как символ отваги, на бесконечные века!

НАПУТСТВИЕ СЫНУ

Сыну Петру

В жизни, сынок, всё сложное очень просто.
Об опасном шаге предупреждает судьба,
она же и расправляет душу,
если она слишком корява.
Поэтому не верь, что потеряна юность,
перепоясанная солдатским ремнём.
В армию я уходил, как и положено,
убрав урожай, вспахав поля,
как того требует кодекс агронома.
В те годы, без всяких олигархов,
не служивший считался большим,
отсюда косые взгляды невест и друзей.
Тогда и евреи не гнушались казарм.
Как мне забыть проворность подъёмов,
Далеко не шанельный запах портянок,
мстительную дрожь автомата,

сталь командирского приказа
и друзей армейских святые имена?!
Я чист перед Родиной и перед родом,
где все солдаты от отца до дедов.
Я солдатом были и им остался
до призыва небесной трубы.
Запомни, сынок, себе на носу заруби:
нет святее и благороднее дела,
чем с защиты Отчизны жизнь начинать!

ДОНБАСС-2014

Эти улыбки предназначались
встречным искренним улыбкам
таких же жизнерадостных душ,
летевших навстречу друг другу
на крыльях солнечного света.
Эти глаза надеялись и дальше
смотреть на разноцветье суеты,
не боясь ошибиться и пройти мимо
совсем незаметного счастья.
Их убили ради победного
хохота вновь окрепшего зла,
спрятанного очень надёжно
все эти прошедшие годы
в чёрных мстительных сердцах.
Как же они сумели долго
выглядеть белыми и пушистыми,
скрытно держа нож за спиной?
Прости, Господь, тех простодушных,
целующих в губы врагов своих.
Выжженная земля и оскал убитых
не могут быть одновременно
гербом ненависти и любви.
Свет и тьма в смертельной схватке:
глобус Украины съехал с оси...

г. Нижневартовск

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

* * *

На улице Победы
только на днях
снесли последний дом,
построенный в городе немецкими военнопленными,
а на Западе опять тусуются
ещё не битые фашистские своры.

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

Вокруг поля.
А на пригорке дуб,
Как пригорошни, листья подставляет

Под первый дождик, что по-майски скуп:
Не столько льётся, сколько громыхает.

А я стою под каплями дождя,
Вдыхаю запах свежего бурьяна,
И в громовых раскатах слышу я
Железный рокот орд Гудериана.

У ОБЕЛИСКА

Гвардии сержант Петров...,
Гвардии сержант Петренко...
Стоит старушка на коленках,
Бурьян дерёт в наклон, без слов.
Присядет, притомясь маленько,
На терпко пахнувший покров...
Покойно спит сержант Петров
И рядышком — сержант Петренко.

г. Белгород

ЕВГЕНИЙ ГУСЕВ

ВЫПУСКНИКИ 41-ГО

Прудик мал, речушка узкая.
Звёзд небесный хоровод.
Местность — наша, среднерусская.
Лето, сорок первый год.

Впереди мученья адские.
Только это всё потом.
А пока — военкоматские
Двери, старый военком...

Напослед — слова пустяшные,
На прощание — рука.
Плакать школьницы вчерашние
Не приучены пока.

Дед хрипит:
— Войну с германцами
Мы прикончим за три дня...
Длинный поезд с новобранцами
Мчит, колёсами звеня.

Гимнастёрочки с иголочки
Да пилотки набекрень.
Лечь под пули да осколочки
Им придётся через день.

Над вагонами дощатыми
Звёзды светят, как тогда,
Когда шли гулять с девчатами
Вдоль реки да у пруда.

Шли весёлою оравой,
Далеко был слышен смех...
Всех война косою кровавою
Их повыкосила. Всех...

В ГОСТЯХ У ВЕТЕРАНА

Май, восьмое. Еду к деду.
Дед, конечно, подшофе.
Объясняясь: “За Победу!”,
Щеголяет в галифе.

На кушетке — старый китель
С орденами той страны,
Что наш воин-победитель
Сдал без боя, без войны.

— Говорят, что жил я даром.
Даром — это ерунда!
Вот над Ельциным с Гайдаром
Не дожидаться мне суда...

Не торопятся за холку
Прихватить всю эту гнусь,
Только я, браток, на полку
Зубы класть не тороплюсь!..

Наливает в рюмки снова,
Долго кашляет в кулак:
— О политике — ни слова!
День Победы, как-никак!..

Видно, стало многовато
Покорителю держав —
Голос старого солдата
Оборвался, задрожав.

Оглянулся у порога,
А с портрета на стене
Сталин пристально и строго
Смотрит прямо в душу мне.

СТАРИКИ

Пригретый солнышком апрельским,
Дед расправляет с хрустом грудь:
— Жена, откинь-ка занавески,
На божий свет хочу взглянуть!

Супруга, глаз не поднимая,
Вздыхает:
— Ты бы, Михаил,
Хоть до девятого-то мая
Собрался с духом да не пил!

— Вопрос сурьёзный, но едва ли
Его решим мы на ходу!..
Дед Михаил достал медали —
Две Славы, Красную звезду.

— Вот, вся Россия и Европа,
Лишений адовы круги —
За то, что мне пришлось протопать,
Теперь и выпить не моги?!

Дед Михаил подсел к окошку.
Жена сказала, помолчав:
— Ну, ладно, выпей, но немножко! —
И отворила дверцу в шкаф.

Два огурца лежат на блюде,
Картошка, хлебушка ломоть...
Ах, дорогие мои люди,
Храни вас, стареньких, Господь!

г. Ярославль

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

СТОЛПНИК
(Прп. Серафим Вырицкий)

Вечный невидимый бой:
Небо держал над собой
Старец руками —
Светлый, подобно свече,
Тысячу дней и ночей —
Тяжко на камне...

Солнце в кромешном аду.
Столп нерушимый в саду.
А до Победы —
Годы сквозь пламя и дым.
Рядом — святой Серафим.
Руки воздеты.

Молит в ночной тишине:
— Ныне Россия в огне,
Неба подножье.
Чтобы продолжилась жизнь,
Отче Саровский, молись
Матери Божьей.

Некто, трудом истомлён,
Видит пророческий сон,
Дивное что-то:
Старец преследует сам —
Въявь! — по полям и лесам —
Вражии роты!

ДОЛГИЕ НОЧИ
(Патриарх Тихон)

Стадо хранил, разрешал и вязал,
Зрел покаянье и вины.
Как-то пред самую смертью сказал:
— Ночь будет долгой и длинной.

Странные слышат при одре слова...
Он же — как видел воочью:
Вся погружается в темень Москва
Долгой военною ночью.

МУЧЕНИЧЕСТВО РОССИИ (Архимандрит Серафим Батюков)

...Близ обретаётся, ломится в дверь,
Как бы там ни голосили.
— Вот, началось уже, — скажет, — теперь
Мученичество России.

Скажет для книжных он и для простых:
— Кроется некая тайна,
Что началось всё в день русских святых.
Это — провиденциально.

Спросят, печальную думу тая:
— Как нам молиться о сыне?
— Господи, воля да будет Твоя, —
Ваша молитва отныне.

Твердь содрогается, хищник летит,
Пахнет горящею рожью.
— Кто ж в этой страшной войне победит?
— Матерь Пречистая Божья.

Подмосковье

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

БРОНЗОВЫЙ СОЛДАТ

Донбасс в крови. Опять летит снаряд,
И доползти до дома нету силы.
Стоит за шахтой бронзовый солдат —
Там зеленеют братские могилы.

Он видит всё: огонь и чёрный дым,
Как чьи-то тени к погребу метнулись.
Уже под флагом жёлто-голубым
Они идут, они опять вернулись!

Чеканят шаг они сегодня злей,
Они заматерели за полвека,
Прицелятся — не слышат матерей,
Курок нажмут — не видят человека.

Как на посту, прервав когда-то бег,
Стоит солдат под холодом столетий,
И за его спиной — ушедший век,
За плащ-палаткой — снова сорок третий.

И он сжимает верный автомат...
Такое время жуткое настало,
Что кажется: не выдержит солдат,
Из бронзы выйдя, спрыгнет с пьедестала.

ПОСЛЕ АФГАНА

В пятиэтажном улье комнатуха.
Комод и стулья дышат стариной.
В той комнатухе кроткая старушка,
Встаёт чуть свет, ложится со звездой.

Я увидала дверь при тусклом свете
И, ковырнув разболтанный замок,
Узнала всё: комод и стулья эти,
Упрятанные кольцами дорог,
И ватное родное одеяло,
Как яблочко сушёное, лицо.
“Чего так долго ты не приезжала?
Хотя бы за полгода письмецо...”

Всё слушала меня, всё удивлялась,
И тут смекнула радостно: “Погодь,
Что ж — насовсем? Ужель навоевалась? —
И тихо так: — Храни нас всех Господь...
Война — оно занятие пустое,
А сердце всё же просит тишины...”
И обронила самое простое:
“Нельзя ли как-то миром, без войны?”

И сумерки надвинулись тревожно,
И я тогда подумала о том,
Что без войны, наверное, и можно,
Когда сердца наполнены добром.
Какая-то неведомая сила
Нам раздаёт смирение и покой,
Не то добра кому-то не хватило,
Не то другим насыпано с лихвой.

г. Калининград

АЛЕКСАНДР ГРЕБЁНКИН

ДЯДЯ ЛЁША

На дворе метёт пороша,
Плачет вдовушкой навзрыд.
Развесёлый дядя Лёша
С фотографии глядит.

В гимнастёрке с кубарями,
Сбив пилотку набекрень,
Он живёт, как прежде, с нами
И смеётся целый день.

С затемнённого вокзала,
В грозовую тишину,
Тётя Оля провожала
Дядю Лёшу на войну.

И над низеньким перроном
Паровоз пары пускал.
— По вагонам!
По вагонам! —
Старшина седой кричал.

...Проснулась дочка — холодно в постели.
Глядит вокруг и сразу не поймёт:
Нет на гвозде ни шапки, ни шинели,
Печь не горит.
Метелица метёт.

г. Пермь

СЕРГЕЙ МЕЛИОРАНСКИЙ

*Солдатам Группы советских войск в
Германии посвящается*

* * *

Что такое Чечня, Афган —
Вам ответит любой пацан.
Что такое ГСВГ —
Вам не скажет никто, нигде.

Но любой из нас знал “свой маневр”,
Защищая СССР!

Мы служили не абы где!
Мы служили — в ГСВГ!
Если отдал бы Маршал приказ —
Мы Европу бы — раз — и квас!

Знали, скажет комбат: “Вперёд!” —
Танк, как чёрт, напролом попрёт!
До Парижа — рукой подать!
Кто посмел бы пред нами встать?

Предал, продал ГСВГ
Наш Иуда на букву “Г”!

ВETERАН

Слепой выходит на прогулку,
Гремя железною клюкой.
Все знают в нашем переулке,
Что этот человек — герой!

Слепой идёт-бредёт неспешно,
Не видя ровно ничего,
Ведь он когда-то в Будапеште
Спас командира своего.

Собой закрыл он командира,
Рванул тротильный фугас.
Комбату руку раздробило,
А наш солдат лишился глаз.

Ему полгода оставалось
Служить.
Он полон был надежд...
В шкатулке где-то заваялась
Медаль за город Будапешт.

г. Жуковский

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ

* * *

Говорят, что когда они взяли рейхстаг,
Прямо тут же — на площади после атак,
Прямо тут же — на улицах и на мостах,
В парках, в скверах на срезанных боем цветах,
На земле, на асфальте, в пыли, на камнях,
Спать легли, эту землю чужую обняв.

Им была немила неродная земля,
Им берлинские камни кололи бока,
Где-то ждали свои города и поля,
Но дорога до них далека-далека.

Там хватало своих парков, улиц и нив,
Там поют соловьи на родном языке.
Ту бесценную землю от пуль заслонив,
Спал советский солдат — палец ныл на курке.

Не по собственной воле пришёл он сюда,
И не первый он начал, возмездьем грозя.
Спал вполуха солдат: эка, братцы, беда —
Тут как следует выспаться даже нельзя...

Сколько было всего на жестокой войне,
Сколько слышал всего от героев живых!
Почему же так горько, мучительно мне
Вспомнить наших солдат на чужих мостовых?

Почему же так сладко, так радостно мне,
Что стоит на коленях надменный рейхстаг
В исцеляющем пепле, в священном огне,
Что Берлин в белых флагах,
как в белых бинтах,

И повсюду: на площади после атак,
На дымящихся улицах и на мостах,
В парках, в скверах
на срезанных боем цветах,
На земле, на асфальте, в пыли, на камнях,
Спят солдаты, спасённую Землю обняв, —
И улыбки цветут у живых на устах...

ЩЕПОТЬ СОЛИ

Я был рождён во времена,
Когда закончилась война
Победою!
О них шпана
Теперь кричит, как о суровых,
Где правил злобно вурдалак.
Не знаю: врут иль было так...
Я помню гордость, а не страх,
И хлеб,
Бесплатный хлеб в столовых.

Уроки кончены, и вот
Туда, где свой, родной народ,
Серёжка в очередь встаёт,
А мы, пока он достоинся, —
За стол! И солюшки шепоть
Посыплешь щедро на ломоть:
Как радуются дух и плоть —
Ах, видели б вы наши лица!..

В краю пятнадцати столиц
Таких сегодня нету лиц!
Не зря рекламный русский фриц
Мне предлагает всё и сразу:
Лишь только бы молчал я впредь
О гордости победной —
Ведь
Я — хлеб, какому не черстветь,
Я — соль та, равная алмазу!..

СКРОМНОСТЬ

Бабу старую проведу,
Дом и сад перед крыльцом,
Где, отмеченный Победою,
Золотым её венцом,
Жил мой дед —
До часа смертного,
До сырого бугорка
В скромной роли не приметного
Простофили-мужичка.

Не кричал: “Мы жизнью тёртые:
Вынь-положь, а нас уважь!”
Говорил: “Герои — мёртвые,
А живым награды — блажь.
Грех рядиться перед вдовами:
Сколь уж лет они в тоске”.

И лежали ненадёваны
“За отвагу” в сундуке...

Жил мой дед — колхоз выхаживал,
Быть старался, где народ.
Много делал,
Мало сказывал,
Вдов стесняясь и сирот.

ГНЁЗДА ЛАСТОЧЕК-БЕРЕГОВУШЕК

Гнёзда ласточек-береговушек
Не враги расстреляли из пушек,
По траншеям паля, блиндажам,
По высоким речным рубежам.

Там, где дачи элитные встали,
Долго бедные птицы летали,
Но никак им с родных берегов
Не прогнать беспощадных врагов.

Никакой у них нету защиты:
Их друзья фронтовые зарыты
В сорок первом в траншеях. И вот
Экскаватор их кости гребёт...

г. Тула

ВАЛЕНТИНА ОСТАНИНА

НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ В ТАВРИЧЕСКОМ

Не отдавайте пьедесталов
Кумирам ложным и пустым.
Нам поклоняться не пристало
Хриstopродавцам. Устоим!

Вглядитесь в тружеников тыла:
Шахтёр, крестьянка, металлург.
Крестьянка фронт второй открыла,
Она всю армию кормила,
Не опуская долу рук.

Шахтёр — он из глубин подземных
Руду и уголь добывал.
И в сообщениях газетных
О нём читал и стар, и мал.

А сталевар — он тот же воин.
На вахте у своей печи
Варил и выпускал на волю
Солнцеподобные ручьи.

И каждой тонною металла
Издалека бил по врагу.
И нечисть вражья отступала,
За Дон, за Курскую дугу.

Стоят они, бойцы Победы,
Перед тобой, мой юный друг,
Укрытые сибирским небом
Шахтёр, крестьянка, металлург.

И мы их подвиг не забыли.
Благодаря рукам таким
Не стали лагерною пылью,
По-русски с миром говорим.

Я — НЕ ДИТЯ ВОЙНЫ

Я родилась в тяжёлом сорок пятом.
Ещё дымилась русская земля,
Когда пришла желанная расплата
К распластанным штандартам у Кремля.

Я — не дитя войны, мне ненавистой.
Есть в метриках и мама, и отец,
А в генах — русской доли путь тернистый,
И есть в крови, наверное, свинец.

В крови славянской — это не смертельно.
Хоть тяжелы бываем на подъём —
Своим живём, своих полей метельных
Не отдавали и не отдаём.

Я не дитя войны. Я благодарна
За тишину и солнечный рассвет
Сибирскому селенью Павлоградка,
Где мама родила меня на свет.

В часы сердечной дружеской беседы
О мужестве, о долге говоря,
Себя я числю дочерью Победы.
Её люблю, как мать боготворя.

К ПЕВЦУ “СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”

*Что ми шумить,
Что ми звенить —
Далече рано предъ зорями?.*

1

Над нами кружат времена,
Где ты тревожно пел.
Мы — непокорная страна,
Над нами тучи стрел.
“Что ми шумить, что ми звенить?”
Чья слава, чей позор?
То веры православной щит
Враг расстрелял в упор.
То гибнут дети, старики
И рушатся дома,
И укрывает бугорки
Могильные зима.

2

По руслу чутких русских рек
Расходятся круги:
Луганск в беде! В беде Донецк!
Россия, помоги!
Там ополчение стеной.
По кровному родству
В их стане ты, певец родной,
Напрягший тетиву.
Не вычеркнуть и не согнуть
Пронзившую века,
Тебя, пробившую нам путь,
Бессмертная строка.
Ты сквозь столетье прозревал
Угрозу диких орд.
Славян к единству призывал
Сквозь княжеский раздор.
Певец земли моей родной,
В тяжёлый этот час
Перед какой ещё бедой
Предупреждаешь нас?
К братоубийственной войне
И розни меж славян

Бикфордов шнур ползёт извне,
Аж через океан.
Но на пророческий порыв —
В ответ на твой сигнал,
Враз отозвался русский Крым
И Севастополь встал.

*Омская обл.,
посёлок Таврический*

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

СТАРИЦА

Расписная косынка,
Свет в глазах не померк,
Не старушка — тростинка,
А брала Кёнигсберг.

Говорит: “Знаешь, сколько
В рavelинах ребят,
И Серёжа, и Ольга,
И Егорыч лежат...”

После минного взрыва
Меня вынес майор”, —
И пошла горделиво
На обедню в притвор...

Память годы полощет,
Превращая в дымок...
В этой яростной мощи
Всей Руси оселок.

РЖЕВ

*Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу...
Александр Твардовский*

Кто справа был, а кто был слева —
Сейчас уже не вспомнить мне,
Когда в окопной тишине
В лесах израненных, у Ржева,
Мы тосковали о войне.
От смерти землю очищая,
Срезая почвы бурый пласт,
Мы верили: нас не предаст
Погибших слава фронтовая,
Мы собиратели мощей.
Мы той же богатырской плоти.
Вы павших имена прочтёте
Не в глубине седых полей —
В сердцах людей, на обороте.

г. Москва

* * *

Помню, учили меня быть надёжным и смелым.
Всё поменялось с тех пор, но иду я к тебе,
Роща, где дед закопал навсегда парабеллум,
Центр села, где висел его брат на столбе.

Кажется мне, я иду по киноварному полю,
Прадеда кто-то уводит к расстрельному рву,
Сон не обманешь, он рвётся пылливо на волю,
Я его власть только с первым лучом оборву.

Снова под утро тревожат скупые просветы,
Наши свиданья с родней обречённо редки...
Там под Смоленском в стальное подымье одеты
Мельница, сад и наш дом у истока реки.

ВИКТОР ПРОХОРОВ

ГОСПИТАЛЯ

Кровавым светом полыхнула мгла.
Атака захлебнулась криком боли.
Но повезло: от смерти и неволи
Судьба на этот раз уберегла.
Мне чудился капли перезвон,
Забывтое тепло родного дома.
Кружился снег и падал невесомо.
И мир, как этот снег, был невесом.
Я помню голоса и руки тех,
Кто нёс меня, укутав плащ-палаткой.
И медсестёр, что плакали украдкой,
И кровью обагрённый грязный снег.
Я не забуду, как стонал сосед,
Обугленного рта не разжимая,
И как последний раз шепнул: “Родная...”
Танкист, седой в неполных двадцать лет.
И, чтобы слышать, как звенит ручей,
Незамутнённый яркостью и кровью,
Я выжил, материнскою любовью
И беззаветным мужеством врачей.
Но вспоминаются госпиталя —
И хочется, закрыв глаза, забыться,
Когда шумят листвою тополя
И белый пух, как белый снег, кружится.
Не забываются госпиталя...

г. Златоуст